

"Старина Тан, я слышал, что Исследовательскому институту оружия нужны высококачественные энергетические батончики, эти все отобраны мной лично, качество намного лучше, чем у товаров на рынке!" Он открыл крышку, и коробка сверкающих энергетических батончиков ослепила глаза Тан Бая.

Но когда он подумал, что семья Цинь сделала состояние, выжимая людей из трущоб, Тан Бай почувствовал, что эти белые и безупречные энергетические батончики запятнаны кровью.

Дедушка Тан даже не посмотрел на коробку с первоклассными батончиками, которые были бесценны и не могли быть найдены на рынке. Он медленно сказал: "Патриарху Цинь не нужно так волноваться. Ссора между детьми не повлияет на бизнес из-за этого".

Цинь И выразил радость и слушал, как дедушка Тан продолжал: "Предпосылкой является то, что вы действительно можете начать размышлять над этим вопросом, и больше не заниматься подобными вещами".

Побитое непогодой лицо было спокойным и умиротворенным, как у доброжелательного дедушки по соседству, но Цинь И чувствовал невыразимое давление, что и говорить, старики слабы! В этот момент его охватило чувство паники, которое было замечено стариком, стоявшим перед ним, и переместилось за его спину. Все его руки и ноги дергались, будь то покупка омеги, поиск кого-нибудь, чтобы расспросить о дефицитных материалах Института Исследования Оружия, или даже осторожные мысли об обиде семьи Тан в его животе, спрятаться было негде!

На его лбу внезапно выступил холодный пот, и Цинь И бессознательно перешел на льстивый тон и сказал: "Старик Тан, этот энергетический батончик должен был стать платой за обучение для этого ребенка из моей семьи..."

"Возьми его обратно".

Улыбка отца Циня застыла, но лишь на мгновение, он быстро вернулся в состояние кивка и поклона. Перед уходом он поблагодарил и поблагодарил, прежде чем утащить Цинь Цзюня.

Тан Бай взглянула на последний батончик, оставленный патриархом семьи Цинь и его сыном на столе: "Эй, они выбрали одну из слепых зон моей эстетики".

Мать Тан кивнула: "На первый взгляд, это похоже на эстетику альфы".

Дедушка Тан, который считал эту эстетику довольно хорошей: "...".

После отвратительной церемонии извинения, Тан Бай подобрал перепелиное яйцо с Будды, прыгающего по стене, положил его в собачью миску, улыбнулся и сказал Снежку: "Сотрудничество только что было действительно хорошим, мой брат обычно не обижает тебя

просто так!"

Снежок радостно гавкнул дважды.

Тан Бай переоделся в домашнюю одежду и с радостью обслужил маму Тан и дедушку Тан. "И мои дорогие мама и дедушка, слова были так хороши, я все еще должен научиться у вас большому!"

"Просто твой рот слишком беден". сказал Тан Му.

"Да, да, да, мой рот беден. Но Цинь Цзюнь все равно кривой! Разве ты не видел, как Цинь Цзюнь поджал губы, когда извинялся? И извинения не были искренними". Тан Бай надул губы, как Цинь Цзюй, и получил щелбан от матери Тан.

"Перестань кривляться".

Тан Бай прикрыл лоб и крикнул дедушке Тану: "Дедушка~!".

Дедушка Тан торжественно кивнул: "Не поджимай губы, омега должны вести себя правильно".

И снова началось.

Тан Бай высунул язык в сторону Снежка, а горький Снежок игриво последовал его действиям.

Увидев бессердечный взгляд Тан Бая, дедушка Тан вздохнул в своем сердце. Поколебавшись мгновение, он все же сказал: "ТанТан, ты можешь оставить дело с Цинь Цзюнем в покое. Цинь И попросил кого-то купить жертву и заплатить за ее травмы".

Тан Бай, который играл со Снежком, был ошеломлен. Тан Бай поднял голову, его глаза расширились, и он повторил: "Цинь И купил жертву?".

Что касается изнасилования/насилия Цинь И по отношению к омеге, Тан Бай никогда не связывался с ним ранее, потому что не хотел нарушать жизнь другого.

Использовать или нет обвинения в изнасиловании/насилии, чтобы свалить Цинь Цзюня, - вот над чем долгое время бился Тан Бай.

Если бы он действительно хотел засудить Цинь Цзюня, это неизбежно привело бы к раскрытию личной информации омеги. Будучи сам омегой, Тан Бай лучше других знал, что омеги ценят целомудрие.

Он также лучше других знает, насколько хрупка психологическая выносливость омеги.

В этом обществе омеги часто подвергаются насилию. Те омеги, которые не были замучены насильниками до смерти, но не могут вынести странных взглядов вокруг себя и решают покончить жизнь самоубийством.

Как виновник, семья Цинь имела лицо, чтобы утруждать себя, а омега... был действительно куплен.

"Почему..." Янтарные глаза вспыхнули в замешательстве, и он пробормотал: "Это из-за денег? Если семья Цинь использует деньги, чтобы купить их молчание, я заплачу вдвое больше".

"ТанТан, это не вопрос денег". лаконично сказал дедушка Тан: "У этого омеги есть партнер по браку, и вторая сторона не знает, что его изнасиловали/насилуют".

Пальцы Тан Бая нервно подергивались. Он все еще помнил, как омегу оттаскивали от видеозаписи в обморочном виде, как он душераздирающе кричал о помощи, как распухли щеки и как он в последний раз бросил отчаянный взгляд.

Дедушка Тан вздохнул и серьезно сказал: "Ни один альфа не может принять то, что его жена была запятнана".

Запятнана.

Злодеяния, которых достаточно, чтобы разрушить жизнь омеги, в устах альфы являются лишь символом нечистого осквернения.

Нечистый, запятнанный.

Почему никто не говорит, что Цинь Цзюнь нечист? Почему никто не говорит, что Цинь Цзюнь ужасно грязен? Почему никто не говорит, что такой альфа, как Цинь Цзюнь, не может найти себе партнера?

"Теперь омега наконец-то нашел альфу, который может жениться на нем, он готов выйти из тени и начать новую жизнь. Если этот инцидент будет раскрыт, то не только альфа его слепой пары не захочет его, но и другие альфы вокруг будут смотреть на него свысока."

"Насколько я знаю, компенсация, предложенная семьей Цинь, не маленькая, и неудивительно, что он пошел на компромисс..."

Почему?

Почему ясно, что Цинь Цзюнь совершил ошибку, но винить нужно жертву?

Почему понятно, что Цинь Цзюнь совершил ошибку, но его не нужно наказывать?

Почему ясно, что Цинь Цзюнь совершил ошибку, но он все еще может хорошо жить в этом мире?

Почему?

Тан Бай тихо размышлял в своем сердце, как вдруг почувствовал, что все вокруг затихло, а рыба морская вода обволакивает его, словно он вот-вот погрузится в безбрежное темное дно моря.

Воздух был таким разреженным, а морская вода такой холодной, что ему было трудно даже дышать. Он пытался говорить, но стоило ему открыть рот, как внутрь хлынуло несметное количество соленой морской воды. Это было так холодно и отвратительно. Он не знал, сколько морской воды было вымыто через грязное тело альфа, и не знал, сколько собранной морской воды было слезами омега, она беззвучно вливалась в его тело, распространяясь от трахеи и пищевода до желудка.

Тан Бай сказал с бледным лицом: "Но это не его вина".

Да, это не его вина...

Что он сделал не так?

Что он сделал не так?

"Он не защитил свою девственность. Это была его вина. И этот инцидент уже произошел. Неважно, кто прав, а кто виноват. Если он испорчен, ему придется принимать странные взгляды". Дедушка Тан не хотел смотреть на него. Правда обо всем вышла наружу, но когда он подумал о Тан Бае, идущем в трущобы с альфой, которого он только что встретил, он не мог не сказать: "Как омега, ты должен защищать себя, не доверять другим и не ходить туда, куда не следует. Если ты будешь честно сидеть дома и выходить только со своей семьей, такого никогда не случится...".

"Подобные слова звучали в моих ушах бесчисленное количество раз. Всякий раз, когда я вижу такие новости и слышу такие трагедии, повсюду есть видимые и невидимые люди, которые обвиняют, наказывают, издеваются"

Голоса, раздающиеся во всех направлениях, голоса, от которых не скрыться, даже если заткнуть уши, голоса, которые привыкли к этому и даже в конце концов соглашаются с этим.

Удушливая морская вода обволакивала его, как невидимая мембрана. Он молча слушал деда. Ему следовало молчать с самого начала, как он спокойно шел на компромисс бесчисленное количество раз.

<http://bllate.org/book/15734/1408462>